

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ВАРИАНТОВ СКАЗКИ «ПЕНИЕ ВОЛКА»

Н. В. Стекольников

Воронежская государственная технологическая академия

Статья посвящена проблеме сопоставления вариантов фольклорных текстов и лингвистического обоснования их тождества и различия. Варьирование фольклорных произведений является обязательным условием их сохранения и активного бытования. В данной статье автор анализирует лексические парадигмы сказки кумулятивной структуры «Пение волка». На основе разработанного метаязыка, который позволяет определить тождество текстов данной структуры, кратко записав их, и восстановить оригинальный текст, развернув эту запись, создается база данных для анализа и сопоставления фольклорных текстов рекурсивной структуры.

Варьирование фольклорных произведений является обязательным условием их сохранения и активного бытования. В отличие от текста литературного фольклорный текст не воспроизводится в неизменном виде, каждое его исполнение создает новый вариант. И в каждом новом случае текст как бы заново создается по определенным сюжетным и композиционным моделям. Его составные элементы выбираются рассказчиком из предоставляемого традицией ассортимента. «Каждая эпическая песня имеет столько же вариантов, сколько певцов, через уста которых она прошла» [1, 62]. Каждый вариант имеет право на существование, отличаясь от других, как своими художественными особенностями, так и языковым материалом. Устное восприятие всегда сопровождается изменением: что-то выделено, что-то сохраняется, а что-то бывает опущено. Фольклорный текст никогда не имеет основного варианта, а всегда существует в виде множества равноправных вариантов текста. Исполнитель фольклорного произведения каждый раз воссоздает текст произведения из неких значимых блоков, структурных элементов, которые он хранит в своей памяти. Эти структурные элементы несут смыслы, сформированные фольклорной традицией, необходимые для создания фольклорного произведения. Таким образом, исполнителю нет никакой необходимости помнить произведения целиком.

Фольклористика как наука имеет дело с огромными и постоянно расширяющимися массивами записей, при этом отдельная запись не может сколько-нибудь полно представлять фольклорный текст, реализацией которого она является, поэтому необходимо сопоставление записей. С этой точки зре-

ния интересно изучение отдельного фольклорного произведения в аспекте изменчивости его традиций — вариативности.

Анализируя тексты сказок кумулятивной структуры, которые, по определению В. Я. Проппа, строятся на многократном повторении какого-то звена, структурного элемента текста вследствие чего возникает либо «нагромождение» (Терем мухи), либо «цепь» (Репка), либо «последовательный ряд встреч» (Колобок) или же «отсылок» (Петушок подавился) [2, 344], возникает проблема записи и сопоставления вариантов таких текстов. Поэтому профессором ВГУ А. А. Кротовым был разработан метаязык, с помощью которого можно коротко записать, а в дальнейшем развернуть запись в текст. Речь идет о предельном свертывании текста, но которое, тем не менее, позволяет не только выделить и определить данный текст среди подобных текстов данной структуры, но и развернуть эту запись в оригинальный текст [3].

Объектом исследования в данной работе являются варианты сюжета кумулятивной сказки, который в сравнительном указателе сюжетов «Восточнославянская сказка» имеет номер 163 = АА * 162 и название «*Пение волка (реже — медведя)*» [4]. Нами были найдены 16 вариантов этой сказки (тринадцать вариантов на русском языке, два варианта на белорусском языке и одна украинская сказка) и проанализированы 158 структурных звеньев ее сюжета.

При сравнении записей бросаются в глаза и их различия, и их сходства, поэтому важно изучить варианты и в том, и в другом отношении. Согласно утверждению В. П. Аникина, качество фольклорного произведения выясняется не только по своеобразию отдельной записи, полученной от отде-

льного человека, но и по сходству записей, сделанных от разных лиц. «Мы многих записей не знаем, но, если располагаем хотя бы их некоторой полнотой, должны в первую очередь проследить за чертами сходства в них. Так следует поступать в случаях, когда мы претендуем на постижение смысла и характера фольклорного произведения как народного» [5, 49]. Только по совокупности вариантов мы можем составить себе полное представление об отдельном фольклорном произведении и его традиции. С помощью метаязыка, созданного А. А. Кретовым, было предложено решение проблемы записи и анализа вариантов сюжета сказки «Пение волка», и получены следующие результаты:

Наиболее показательными, с точки зрения доказательств лингвистического тождества, были признаны структурные звенья «экспозиция» и «переменная нового». *Экспозиция* — это часть текста от его начала до первой сюжетной морфемы (т.е. повторяющейся части текста). Экспозиция всех вариантов этого сюжета чрезвычайно проста и практически идентична для всех — волк (или медведь) узнает, что у старика есть большое хозяйство, и начинает песней выманывать у старика животных (овцу, курочку, телку), пытается съесть старуху (выманить внучку).

Вариант 1 — «Волк и крестьянин»: «Жил-был старик да старуха. У них было семь овечушек да восьмой жеребеночек, да бык-пестряк, да кошка-судомойка, да собачка-пустолайка, парничек да деушка. Жили оне под горой. Вот и повадился волк на гору ходить — сидит на угоре-то да и воет — писенки-те поет ли чо ли» [6, 314].

Вариант 2 — «Про старика и старушку»: «Жил-был старичок да старушка, да паренек, да девушка (я уж так по-старому расскажу), да было семеро овечек, да еще был соломенный хлевечек. Ну, вот оны жили да поживали. Да затем как-то, каким-то побутом, медведь узнал, что у них семеро овечек да соломенный хлевечек. Вот медведь и пошел. Пришел сел под окошко и запел» [7, 317].

Вариант 3 — «Жадный волк»: «Жили дед да баба, они жили на Красной горке, имели сучку-бобровку, кобылку-воронку, тпруньку-буруньку, дочку-желтоволоску, овечек имели, гусей имели — все богатство у них было. Приходит к ним волк» [8, 146].

Вариант 4 — «Старик и Волк»:

«Стоит избушечка
На крутом угорышке.
В той избушечке —

Старичок-старушечка;
У старика да у старушечки
Паренечёк да девушка,
Петушок да курочка,
Петь (5) овечушок;
Паренечок в сапожках
Девушка в сережках» [9, 40].

Вариант 5 — «Старик и Волк»:

«Красён-красён дворец.
В том красном дворце
Живет Строй-бабушка.
У Строй у бабушки
Сынок и дочюшка,
Петушок и кутюшка —
Под повить повешоны;
Корова чёрная.
Свинья-та пёстрая,
Овца бесхвостая» [9, 40].

Вариант 6 — «Старик и Волк»:

«На горе на горушке
Живёт старик со старушкой.
Есь коровушка-мыкушка,
Чаконька-блеюшка, (овца)
Чёшка-рёшка, (поросенок)
Собачька-пустолаечька,
Кошечька-судомочка,
Петушок-певунок,
Кутюшка-говорушка» [9, 40].

Вариант 7 — «Старик и Волк»:

«Стоит, стоит дворец —
Соломенный крылець.
Дедушко да бабушка,
Одна лошадушка,
Одна овеченька,
Одна собаченька,
Одна и кошечька» [9, 40].

Вариант 8 — «Старик и Волк»:

«На горе на горушице
Стоит красна избушица» [9, 40].

Вариант 9 — «Старик и Волк»:

«Живёт старик на горушке
Со старушкой.
Живота-скота довольно:
Кошечька с котёночком,
Курочька с циплёночком,
Сука со щенёночком
Овечька с егнятком,

Коровка с телятком,
Кобыука с жеребятком» [9, 40].

Вариант 10 — «Жил жилец, на кучке дворец»: «Жил жилец, на кучке дворец. У него было пять овец, шестой жеребец, а седьмая телушка, а восьмая старушка, а девятый старичок, а десятый бирючок. Пришел к нему волк и начал просить овечку» [10, 116].

Вариант 11 — «Волчья колядка»: «Жили дед да баба, была у них курочка ряба, петушок-певушок, семеро овечек и бычок-третьячок» [11, 7].

Вариант 12 — «Медвежья песня»:

«На кусте двор,
На коле ворота,
Живё сам да самуха,
Старик да старуха,
Девка да парень,
Котушко Соломонушко,
Собацька Пустолаецка,
Сива кобыла,
Сера корова,
Да шесь овець,
Пришел медведь
И просит овцю» [12, 174].

Вариант 13 — «Медведь и старуха»: «Жила-была старуха. Избушка ее стояла на самом конце села. Двор ее был не огорожен, а скотинки-то было много: одна корова да пяток овечек» [13, 25].

Вариант 14 — «Сказка про старичка и бирючка»: «Жил жилец на кучке дворец. Было у него пятеро овец, шестой жеребец, седьмая телушка, восьмая старушка, девятый бирючок (годовалый бычок), десятый старичок. Жил он богато. Поводился к нему бирюк (волк) и просит» [13, 25].

Вариант 15 — «Дзедка з бабкэй і воук»: «Жыу дзедка, было у яго пяць авеччак, шосты бычэчак, курка-рабушка, сучка-звярушка і бабка старушка. Прыйшоу да іх воук пад акно і хараша пеу» [14, 189].

Вариант 16 — «Дзед да баба і воук»: «Жыу сабе дзед да баба. І была у іх унучка, сучка, сямёрка авец і бык-палавец. Прачуу аб гэтым воук. Прыйшоу ён к ім пад вакно і запеу сваю песню» [14, 193].

Общее количество переменных нового, которые содержат новую информацию по сравнению с предыдущей, во всех исследуемых вариантах равно 142. Максимальное количество переменных нового в отдельном варианте достигает пятнадцати («Волк и крестьянин»

[6, 314]), а минимальное — пяти («Медведь и старуха» [13, 25]).

Наблюдается определенная позиционная закономерность в последовательности презентации персонажей сказки. Каждый из персонажей представляет собой звено, которое занимает определенную позицию в заданной структуре, и эта позиция с одной стороны носит динамический характер, то есть, звенья могут меняться местами внутри последовательности, а с другой стороны — связанный структурной тождественностью: так переменная нового «овечка» появляется в пятнадцати вариантах из шестнадцати, «курочка» — в пяти, «петушок» — в четырех, «кошка» — в шести, «собачка» — в десяти, «свинья» — в двух, «жеребец» — в восьми, «корова» — в шести, «бык» — в четырех, «паренек» — в четырех, «девушка» — в шести, «бабушка» — в тринадцати, «дедушка» — в девяти вариантах.

Таким образом, выделяются следующие последовательности представления переменных нового шестнадцати вариантов данного сюжета:

1) овечка — жеребеночек — бык — кошка — собачка — парничек — деушка — бабушка — старичек;

2) овечка;

3) тпрунька — кобылка — сучка — дочка — баба — дед;

4) петушок — курочка — овечушка — девушка — паренек — старушка — старик;

5) овца — свинья — корова — петушок — кутюшка — сынок — дочюшка — бабушка;

6) кутюшка — петушок — кошечька — собачька — чёшка — чаконька — коровушка — старик — старушка;

7) кошечька — собачечька — овечечька — лошадушка — бабушка — дедушко;

8) кошечька — собачечька — овечечька — лошадушка — бабушка — дедушко;

9) кошечька — курочка — сука — овечька — коровка — кобыука;

10) овца — жеребец — телушка — старушка — старичок;

11) бычок — овечка — петушок — курочка — баба — дед;

12) овца — корова — кобыла — собацька — котушко — девка — парень — старик — старуха;

13) овечка;

14) овца — жеребец — телушка — старушка;

15) авечачка — бычэчак — курка — сучка — бабка;

16) авечачка — бык — сучка — унучка — бабка.

Поскольку, переменная связи всех вариантов данной сказки состоит не в прибавлении, а в вычитании одной из переменных нового, так как они уже сразу все заданы в первой сюжетной морфеме, то в последовательности избавления от них наблюдаются две закономерности: размерная и пространственная.

Согласно размерной закономерности множество переменных нового организованы отношениями возрастания от меньшего объекта к большему:

1) петушок — курочка — овечушка — девушка — паренек — старушка — старик;

2) кошечка — собачечка — овечечка — лошадушка — бабушка — дедушко;

3) овца — жеребец — телушка — старушка — старичок;

4) овца — жеребец — телушка — старушка;

5) кутюшка — петушок — кошечка — собачка — чёшка — чаконька — коровушка — старик — старушка;

6) кошечка — собачечка — овечечка — лошадушка — бабушка — дедушко;

7) кошечка — курочка — сука — овечка — коровка — кобыука.

Но наиболее характерной для данного сюжета оказалась пространственная закономерность, согласной которой переменные вычитаются по степени пространственной и эмоциональной близости к главному персонажу. Так, дед избавляется в первую очередь от животных, которые обитают во дворе (курица, петух, овечка, лошадь, корова, бык), то есть от тех, которые находятся в эмоциональном удалении от него, а в последнюю очередь — от животных, живущих в доме, которых не едят и не используют в работе (кошка, собака), и членов семьи (дочка, сынок, бабка):

1) овечка — жеребеночек — бык — кошка — собачка — парничек — деушка — бабушка — старичек;

2) тпрунька — кобылка — сучка — дочка — баба — дед;

3) петушок — курочка — овечушка — девушка — паренек — старушка — старик;

4) овца — свинья — корова — петушок — кутюшка — сынок — дочюшка — бабушка;

5) бычок — овечка — петушок — курочка — баба — дед;

6) овца — корова — кобыла — собацка — котушко — девка — парень — старик — старуха;

7) овца — жеребец — телушка — старушка;

8) авечачка — бычэчак — курка — сучка — бабка;

9) авечачка — бык — сучка — унучка — бабка.

Отмечено, что тексты, в которых просматривается пространственная логика вычитания переменных нового, были найдены в сборниках северорусских, украинских, белорусских сказок, сказок Пермской губернии и литовского фольклора [6, 8, 11, 12, 14]. А в сказках, собранных сказочной комиссией в Вологодской и Архангельских областях, наблюдается по преимуществу размерная логика избавления от персонажей сказки [9]. Это свидетельствует и о большем территориальном распространении вариантов, для которых эмоциональная связь между персонажами является более важной.

Характерно, что множество всех переменных нового организованы отношениями дополнительного распределения, они являются вариантами одной лексемы и выражены родственными словами или синонимами. Наблюдаются следующие четырнадцать парадигм лексем переменных нового всех шестнадцати вариантов:

1) парадигма лексемы «овца»: овца — овечка — овечка — овечушка — овечечка — авечачка — чаконька (на основе позиционного анализа и на основе анализа переменной трансформации нового, мы определяем значение слова «чаконька-блеюшка» как «овца»);

2) парадигма лексемы «лошадь»: кобыла — кобылка — кобыука — лошадушка;

3) парадигма лексемы «конь»: жеребец — жеребёночек — тпрунька;

4) парадигма лексемы «курица»: курочка — курочка — курка — кутюшка (на основе позиционного анализа и на основе анализа переменной трансформации нового, мы определяем значение слова «кутюшка-говорушка» как «курица»);

5) парадигма лексемы «петух»: петушок;

6) парадигма лексемы «свинья»: свинья — чёшка (на основе позиционного анализа и на основе анализа переменной трансформации нового, мы определяем значение слова «чёшка-рёшка» как «свинья»);

7) парадигма лексемы «корова»: корова — коровка — коровушка — телушка;

8) парадигма лексемы «бык»: бык — бычок — бычэчак;

9) парадигма лексемы «кошка»: кошка — кошечка — котушко;

10) парадигма лексемы «собака»: собачка — собачка — собацка — собачечка — сука — сучка;

11) парадигма лексемы «дочка»: дочка — дочюшка — девка — деушка — унучка;

12) парадигма лексемы «сын»: сынок — парень — паренек — парничек;

13) парадигма лексемы «баба»: баба — бабушка — бабушка — старушка — старуха;

14) парадигма лексемы «дед»: дед — дедушко — старик — старичок — старичек.

При анализе данных лексических парадигм, обращает на себя внимание половая симметрия в представлении звеньев переменной нового практически во всех вариантах. Так наблюдаются следующие оппозиции по половому признаку: *курочка — петушок, кобылка — жеребец, корова — бычок, дочка — сынок, баба — дед*. Там же, где половая симметрия не соблюдается, в условиях принципа дополнительного распределения, преобладает выбор персонажа женского пола: *свинья, сучка, кошка*. Более того, количество звеньев переменной нового, представленных только женским вариантом, равно девяти (это парадигмы лексем «курица», «овца», «свинья», «корова», «лошадь», «кошка», «собака», «дочка», «баба»), а мужским вариантом — лишь пяти («петух», «конь», «бык», «сын», «дед»). Из всего количества лексем, которое равно девяноста трем, 67 лексем — представлены женским родом, а 25 — мужским, что в процентном отношении составляет 73 % и 27 %. Это явно подтверждает женскую доминанту в представлении персонажей данной сказки кумулятивной структуры. Так как фольклор в целом обладает долгой памятью, а сказки кумулятивной структуры в особенности соответствуют архаичному типу мышления, вероятно, данное явление является отражением одной из древнейших традиций организации отношений господства и подчинения в человеческом коллективе — в семье, где ее главой была мать, а именно отражением матриархата, общества, в котором доминируют женщины.

Таким образом, анализ лексических парадигм всех вариантов данного сюжета, представленных в виде специально организованной базы данных, показал, что набор переменных нового может быть короче или длиннее, но при условии идентичной экспозиции и тождественного лексического выражения переменной нового все представленные 16 вариантов являются вариантами одного произведения, причем такого, которое само допускает варьирование. В отличие от письменной литературы, для устной традиции невозможны какие-либо «окончательные варианты», их иерархия практически отсутствует, все они равноправны. На примере сюжета «*Ление волка*» мы убедились, что

варианты дополняют друг друга. В них представлены единые логика, идея, замысел, воспроизводятся одни и те же типы. Варианты могут различаться особенностями образного строя, композиционно-сюжетным составом, стилистической характерностью. Но отдельные различия не устраняют сходства функциональности всех компонентов. Полученная информация является необходимым условием для исследования организации пространства всех кумулятивных сказок, для построения многомерной динамической модели фольклорного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миклошич Фр. Изобразительные средства славянского эпоса // Древности. Труды славянской комиссии Московского археологического общества. Т. 1. М., 1895 // Язык фольклора: Хрестоматия / Сост. А. Т. Хроленко. — М.: Флинта: Наука, 2005. — 224 с.
2. Протт В.Я. Русская сказка. — М.: Лабиринт, 2000. — 416 с.
3. Кретов А.А. Рекурсивные сказки-2. <http://www.ruthenia.ru/folklore/kretov1.htm>
4. Сравнительный указатель сюжетов «Восточнославянская сказка» / Составители: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. — Ленинград, «Наука», 1979. — 440 с.
5. Аникин В.П. Русская народная сказка. — М.: Худож. лит., 1984. — 176 с.
6. Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. / Издание подготовила Т. Г. Иванова. — С.-Петербург, 1997. — 584 с.
7. Русские народные сказки Карельского Поморья. / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. — Петрозаводск, 1974. — 424 с.
8. Русский фольклор в Литве. / Исследования и публикация Н. К. Митропольской. — Вильнюс, 1975, отд. «Сказки». — 432 с.
9. Сказочная комиссия в 1924—1925 гг. / Гос. русское географическое общество. Отделение этнографии. — Л., 1926. — 48 с.
10. Воронежские народные сказки и предания / Подготовка текстов, составление, вступительная статья и примечания А. И. Кретова // Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Вып. I. — Воронеж, 2004. — 310 с.
11. Украинские народные сказки. — Москва, 1956. — 424 с.
12. Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. / Издание подготовил В. Я. Пропп. — М.-Л., 1961. — 386 с.
13. Народные сказки Воронежской области. Современные записи. / Под редакцией А. И. Кретова. — Воронеж, 1977. — 176 с.
14. Казкі пра жывёл і чарадзейныя казкі. / Рэд. В. К. Бандарчык. — Мн., «Навука і тэхніка», 1971. — 496 с.